
18+
Дхараадхара Дас
Откровения Йога
Из тьмы к свету

Дхараадхара Дас

Откровения Йога. Из тьмы к свету

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40150624
ISBN 9785449610690

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Жизнь – это выбор. Каждый человек сам выбирает быть счастливым или несчастным, идти к свету или жить во тьме. Но рано или поздно для каждого настанет момент осознания смысла собственной жизни. Этот смысл нельзя найти во тьме, он является просто любовью.

Содержание

Откровения йога	5
Детство	7
Тюрьма	13
Свобода	18
Опять тюрьма	21
Опять свобода	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Откровения Йога
Из тьмы к свету

Дхараадхара Дас

© Дхараадхара Дас, 2019

ISBN 978-5-4496-1069-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Откровения йога

Что такое наша жизнь? Куда мы идём и идём ли правильно? Есть ли Бог и если да, то тогда кто мы для Него? А если нет, то есть ли тогда смысл в нашей жизни которая закончится физической смертью тех, кого мы любили, кого оберегали и в конце концов нас самих. Пропадём ли мы в небытие в тот момент, когда перестанет биться наше сердце или этот момент великое благо, переход из небытия в настоящую жизнь, о которой мы только можем догадываться. Где правда, а где ложь в современном мире? Что такое любовь и есть ли в ней смысл? Подобных вопросов можно написать книжку, и есть огромное количество книг, которые дают ответы на эти вопросы. Ответы есть, но нету доказательств что эти ответы правильные. Вот тут мир делится на две половины: те, которые не верят, потому что доказательств нету и те, кто верит, просто верят и всё, без доказательств, они знают, что есть любовь, справедливость, честность, доброта и все добродетели, а над ними БОГ, который вечно любит и вечно нас ждёт. Я отношусь ко второй части человечества, а эта книга о том, как я нашёл доказательства существования Бога. К сожалению эти доказательства никогда не смогут быть предъявлены широкой публике, так как они не материальны, как и сам Творец. Эти доказательства очень весомы для меня и для любого человека кто верит, но они ничтожны для тех людей,

которые только увидев Бога, поверят в Его существование. Доказательства эти – события, которые происходили в моей жизни и благодаря которым моё сердце пылает безусловной любовью ко всему живому на планете, к своему Гуру и к Богу.

Детство

Моё бренное тело появилось на свет 24 марта 1982 года, в городе Рига, в обычной советской семье. В Советском Союзе никто не строил взаимоотношение с Богом, все строили коммунизм. Строить взаимоотношение с Богом в тот период времени в СССР было не только антиобщественно, но и опасно. По этой причине, возможно и по ряду других причин, мои родители не отличались набожностью и соответственно мне никто не пытался привить веру в Творца, никто не обучал молитвам и не рассказывал историй из священных писаний. «Моя первая священная история» – книга, название которой говорит само за себя, была мной прочитана лет в десять, примерно в этом же возрасте меня крестили в Православие.

Семья моя была самой обычной, что нельзя сказать про меня самого. С раннего детства я не ел мясо и рыбу. Для моей мамы это была большая проблема, так как в то время вегетарианство было редким явлением и продуктов на прилавках магазинов не было с избытком. Эту проблему пытался решить мой отец, через разговоры и наказания, но без результата. Позже с моим вегетарианством пытался справится мой тренер по борьбе, у которого были более эффективные рычаги воздействия на меня. Но не тысячи отжиманий, не сотни километров бега, не заставили меня съесть ни ку-

сочка мяса.

Я помню, что в детстве я был очень ранимым ребёнком, меня было легко обидеть и довести до слёз. Как часто бывает в семьях где растут два мальчика, мой старший брат меня часто обижал дразнил и бил, когда я старался отвечать, но разница в возрасте трёх лет не позволяла мне дать ему сдачи. Мне оставалось только реветь, терпеть и жаловаться родителям, что не всегда помогало.

Вся наша семья делала украшения из янтаря и не плохо зарабатывала, поэтому по советским меркам мы жили в достатке, в большой квартире, летом снимали большой дом на море и там все работали. Я тоже принимал участие в семейном бизнесе и выполнял мелкие работы по мере моих детских возможностей.

Когда развалился СССР, я ходил во второй класс и был октябрёнком. Вместе с развалом большой страны и отделением Латвии от неё, наш семейный бизнес постепенно пошёл на убыль и в финансовом плане для нашей семьи начались не лёгкие времена. Мне как ребёнку не пришлось как следует прочувствовать этот момент, что, наверное, нельзя сказать про моего отца с матерью.

В том же году я начал заниматься борьбой и очень хорошо помню тот день, когда я связал свою жизнь со спортом. Я учился во втором классе, когда на уроке физкультуры в зал зашёл коренастый мужчина. Учитель физкультуры нам сказал, что это тренер по борьбе. Ни слова не говоря я пошёл че-

рез весь зал прямо к тренеру и сказал, что я хочу заниматься борьбой. На тот момент такое поведение было не свойственно мне, так как я был довольно скромным ребёнком и мне тяжело было иди на контакт с незнакомыми людьми. Но то, что меня тянуло к тренеру, было выше моих комплексов и стеснений, словно перестал работать мозг и я сделал движения, которые сильно повлияли на мою жизнь и на становление моей личности. Каждодневные тренировки влились в мою жизнь, и начали превращать мягкого, легко ранимого и плаксивого ребёнка в юношу, который на обиды начинал отвечать ударами и бросками.

В середине девяностых годов мои родители организовали бизнес и начали возить трикотаж в Россию, поэтому подолгу отсутствовали дома, оставляя нас с братом одних.

В пятом классе я потерял интерес к учёбе. Я мог учится очень хорошо, но абсолютно не было желания познавать алгебру, геометрию, физику и прочие предметы в которых я не видел смысла. Интерес оставался только к борьбе и гулянию по улицам. Как результат в 7 классе меня хотели исключить из средней школы за отвратительное поведение на уроках, но благодаря слезам и уговорам моей мамы, всё таки не исключили, а оставили числится, но на домашнем обучение. Это значило что ко мне домой два раза в неделю приходили учителя, но занимались мы не каждый раз, так как часто я им просто не открывал дверь. Каким-то чудом я получил табель о завершение девяти классов и всё что во мне

из школы осталось – это умение читать и писать, за что я школе сильно благодарен.

Родители мои, очень добрые и мягкие люди, нас со старшим братом практически никогда не наказывали, не держали в ежовых рукавицах, и мы были относительно свободны своего выбора, за что я им безмерно благодарен. Благодарен я им за то, что не заставляли меня учится и засорять мой молодой мозг лишней информацией, которая мне была абсолютно не нужна. Благодарен я своим родителям за их любовь, которую они поселили в моё сердце. Ведь ребёнок которого любят, вырастит нравственным человеком, а нравственный человек, сам подгонит под свою нравственность культурный уровень. Благодарен я своим родителям за то, что они поддерживали мои занятия спортом, потому что только спорт до последнего удерживал меня перед улицей.

Когда родители были в отъезде у нас дома часто собирались большие компании брата друзей, которые мне сильно не нравились, особенно если мне надо было рано вставать на соревнования или тренировку. Я помню, как меня вытаскивали ночью из кровати что бы побороться со мной или просто помучить. Я плакал, дрался психовал, но ничего сделать не мог. Иногда, когда в наших драках с братом я каким-то образом ухитрялся ему сильно врезать или завалить, мне приходилось убегать из дома, до тех пор, пока не вернутся родители, потому что последствия могли быть больны-

ми. Пропадая сутками на улице без денег, начали появляться лёгкие заработки, мелкие кражи в магазинах, потом из машин и игровых автоматов. Жизнь стала уличной и я стал выходить из под контроля родителей, отчасти из-за частого их отсутствия дома, отчасти из-за моего отсутствия дома.

Единственное что меня до последнего дисциплинировало, это занятия спортом и мой тренер, которого я боялся и который меня за уши вытаскивал с улицы и волок в зал. Но всему приходит конец и с борьбой мне тоже пришлось распрощаться весьма не приятным, но очень поучительным образом. Шёл 98-й год, в котором проводились юношеские олимпийские игры и проходил отбор. Все кто становились чемпионами Латвии, ехали на олимпийские игры. Наша команда участвовала в соревнованиях по греко-римской борьбе, в которых я занял второе место, а затем по вольной. В решающей схватке я одерживал победу 3—2. Мой тренер прокричал:

– Осталось десять секунд. Держись!

Десять секунд. Они прозвучали для меня как победа и перед моими глазами появились олимпийские игры, я разогнулся уверенный в победе и моему сопернику этого было достаточно что бы пройти в ноги и сделать бросок на 2 бала. В итоге я проиграл, рухнули мечты об олимпийских играх. Я был сильно зол на своего тренера. Ведь если бы он тогда не крикнул что осталось десять секунд, я бы просто продолжал схватку в том же темпе и одержал победу, но этому

не суждено было случится. На тот момент я не понимал, что это был последний урок моего тренера. Я очень сильно переживал это поражение и в мою кровь впиталось осознание, что я должен всегда бороться до последнего, в любой ситуации, до последней секунды, потому что в самый последний момент Господь нам может подать руку и вытащить из пропасти, в которую мы летим. Даже если ситуация кажется безнадёжной, всегда остаётся шанс что она может изменится и вера в этот шанс увеличивает его в разы.

Тюрьма

После последних соревнований в которых я одержал роковое поражение, моё увлечение спортом пошло на убыль. Ещё больше времени я стал уделять улице и как результат в моей жизни начали появляться наркотики.

Когда я последний раз посетил тренировку, после двух недельного употребления амфетамина, тренер сразу загнал меня на весы. За две недели я похудел на 11 килограмм. С 76 до 65 кг, за две недели, в 16 лет. О дальнейших тренировках речи идти не могло.

Пропал пыл к спорту и появился больший интерес к наркотикам, которые стали через чур доступны в 98—99 годах. В это период времени кто-то разбрасывал героин килограммами, в результате чего началась волна наркомании, которая унесла тысячи молодых жизней. Конечно те, кто находил эти килограммы радовались, но мало кто из них выжил или остался в светлой памяти.

Ксчастью мне не дали возможности во всех прелестях почувствовать героиновую зависимость и жизнь гопника. В начале весны 1999 года, героиновая волна в Риге была в самом разгаре и молодые парни, не успевшие ещё обрасти щетиной и повзрослеть, уходили из жизни один за другим. У меня были все шансы вступить в их ряды, но судьба распорядилась иначе и освободила меня от этой чумы, весьма своеобраз-

ным и жёстким способом.

Мы с друзьями стояли на лестничной клетке, под кайфом или в ожидание кайфа. В одну из квартир зашли сантехники и сразу пошли в ванную комнату вместе с хозяевами, не закрыв за собой дверь и она осталась открытой на распашку. Вдвоём с товарищем мы спустились на один пролёт ниже и я заглянул в коридор квартиры. На тот момент у меня уже появились вороватые привычки и особенно они проявлялись в компании. В коридоре висела дублёнка, она сразу попала в мой ракурс и была быстро прибрана к рукам. Я не мог знать, что из квартиры напротив, в глазок на меня смотрит свидетель преступления, который конечно на меня донёс, как только на место прибыла полиция. Только потом я узнал, что он не может быть свидетелем, так как являлся душевно больным человеком, но когда я об этом узнал, я уже сидел в тюрьме для малолетних преступников и поздно было перекручивать плёнку назад.

Героиновая ломка для меня прошла довольно мягко. Можно сказать что мне повезло и в кпз один добрый сокамерник дал мне несколько таблеток клоназепема, поэтому проснулся я только в карантине тюрьмы, не понимая где я и как меня успели перевезти.

Исправительное учреждение, которое делает из молодых парней потенциальных преступников, которое никого не исправляет, а только калечит судьбы подростков, убивает их в прямом смысле слова. Делает злыми, агрессивными

и не поддающимися никакому воздействию со стороны педагогов и родителей. Условия содержания в тюрьмах Латвии, как и на всём пост советском пространстве, не направленны на защиту заключённых от самих заключённых и надзирателей, не защищаются там права и то что у тебя есть на что-то право, приходится доказывать самому, своим сокамерникам.

Когда я только попал в камеру, она выглядела совсем не такой, какой я себе представлял тюремные казематы. Это было светлое чистое помещение, на меня смотрели вполне детские и приятные лица, которые не выглядели заключёнными, а скорее из детского лагеря. Вскоре я узнал, что по тюремным законам, заключённый который первый раз попадает в тюрьму, сорок дней является мясом. Не буду вдаваться в подробности что это значит, скажу лишь то, что это целый спектр физических и моральных воздействий, для укрепления духа и тела заключённого и на тот преиод, когда человек является мясом на малолетке, ничего положительного с ним не происходит.

После мясного периода началась относительно спокойная жизнь, но не на долго. Из камеры увели одного заключённого, который готовил еду для трёх семейников колорые были у руля, то есть сокамерников, которые жили семьёй, для собственной безопасности и лёгкости пребывания за решёткой и руководили всеми процессами в камере. Их взгляд упал на меня, как на потенциального повара для них. Естественно, что меня такая роль не устраивала и пытался отстаивать

свою независимость, но это никого не интересовало и меня начали бить. Били руками, ногами, тумбочками и ещё чем-то тяжёлым. Я помню, что у меня мелькнула мысль: почему я не вырубаюсь? Ведь когда я сам бил, как-то всё происходило быстрей. Я понял, что если я не соглашусь, то меня убьют или сделают инвалидом и сработал инстинкт самосохранения.

В тюремных условиях питание оставляет желать лучшего и моё вегетарианство растворилось в голоде. Я начал есть сало, курицу и другие мясные продукты, которые изредка могли передавать родители заключённым. Там мне совершенно не казалось, что у мяса есть привкус тухлятины.

В конце лета 1999 года, когда солнце радовало глаза исключительно через решётку, и то что где-то слышен шелест листьев и пение птиц, можно было понять только по верхушкам деревьев, зеленеющих где-то вдалеке за забором, к нам в камеру завели двух цыган, которые сказали, что хотят сидеть вместе с нами. Это было довольно странно, так как цыгане обычно сидят в отдельных камерах. Наши подозрения вскоре оправдались. Один из цыган помочился в кружку, а другой достал нож и вместе они заявили, что сейчас заберут все вещи которые им понравятся и уйдут. Для не посвящённых читателей добавлю, что по тюремным понятиям, если, моча заключённого попадёт на другого заключённого, то тот становится опущенным, то есть он падает в самый низ тюремной иерархической лестницы и подняться он уже

никогда не сможет. Поэтому к этим ребятам подходить было опасно. К счастью, или не счастью, у нас в камере сидел один опущенный, который схватив простыню самоотверженно бросился на цыган. Моча разлилась, а нож никого не пугал и вся камера, дружно бросилась бить цыганят. Били долго и всем что попало под руку. В свалке и мне по голове прилетела тумбочка, назначавшаяся дерзкому цыгану. Закончилась бойня только тогда, когда в камеру ворвался тюремный спецназ и бить начали всех, профессионально, дубинками и ногами, до самого карцера.

Карцер собой представлял бетонную коробку, три метра на два, по середине бетонные пеньки, что бы заключённый не мог ходить, железная кровать с деревянными досками, пристёгивалась к стенке, что бы заключённый не мог днём сидеть. Там мне предстояло провести десять суток.

Свобода

На третий день, когда тело начало переставать ныть от побоев надзирателей, а в сознание начало появляться признаки умопомешательства, дверь распахнулась и властный голос приказал:

– На выход!

Уставший и подавленный, я с радостью повиновался.

«Простили», – первое что подумал я.

Когда меня вели по коридорам, и одну за другой открывали двери, выдали вещи которые забрали при аресте, я не понимал что происходит. Когда я подписывал какие-то бумаги, мне начало казаться это странным, но когда я оказался на улице, ярко светило солнце доставляя боль глазам, от свежего воздуха закружилась голова, а на встречу через дорогу ко мне шёл мой отец с распростёртыми объятиями, и я понял:

«Не простили. Освободили!»

Пол года в тюрьме для малолетних преступников, сделали меня резким, не примиримым к любым посягательствам на своё пространство. На любые попытки наезда со стороны окружающих на моё огромное я, ответ был агрессией или ударами. Мне было без разницы кто стоит передо мной и какой величины, если он был не прав, то должен был ответить.

Когда я увидел спустя пол года своих товарищей, с кем

вместе вырос во дворе, в школе и потом вместе курили травку, а затем начинали колоться героином, я понял что мне с ними не по пути. Те, кто выжили в этой героиновой свистопляске, превратились в зомби, а те, кого посадили, как и меня, тем повезло.

Парень с кем вместе мы были, когда я украл дублёнку, чьё имя из меня пыталась безуспешно выбить полиция, как и многие, лежал в деревянной коробке глубоко под землёй. Я мог спасти ему жизнь, если бы сказал сдал его имя. Я этого не сделал и его имя написал гравёр на гранитной плите. Но если бы я его сдал, то не известно вышел бы я с малолетки. Там таких поступков не прощают.

После освобождения удачно подвернулась работа на металл литейном производстве, за очень приличную зарплату. Я не хотел идти работать, но из чувства любви и признательности к своим родителям, я не мог не пойти. Я понимал сколько мама настрадалась из-за меня, как переживал отец и чего им стоило вытащить меня из тюрьмы. Поэтому я решил начать новую жизнь и она сильно отличалась от той, из которой я вынырнул в тюрьму. В ней я понял, что такое тяжёлая физическая работа. Она изнуряла тем, что работать приходилось в ночную смену по двенадцать часов и с двумя тремя выходными в месяц. Деньги платили хорошие и поэтому жаловаться не приходилось.

На тот момент мы уже жили на другом районе, так как во время дефолта 1998 года, наша семя потеряла очередной

бизнес и после этого квартиру.

В редкие выходные дни я покупал амфетамин или экстезин и пропадал на дискотеке. Потом я стал выдумывать болезни и пропадать ночами на дискотеках. На работу хотелось ходить всё меньше и меньше и в конце концов, на одной из дискотек я свалился с лестницы и получил травму копчика из-за которой работать я дальше не мог. Зато вспомнились старые, воровские навыки и появились новые, более хитрые способы наживы. Работы не было, а страсть к танцам, алкоголю, наркотикам и девочкам осталась и её надо было содержать.

На новом месте я долго не мог прижиться. Если на родном районе все друг друга знают, знают кого можно трогать, а кого лучше обойти стороной. То на новом месте приходилось часто доказывать своё право ходить там, где хочется и когда хочется. Не успевали заживать раны на руках, а там уже появлялись новые. Столько драк и стычек в моей жизни ещё не было и одному Богу известно сколько людей отправилось на тот свет в этих потасовках. А всё ради чего? Ради эго. Не моего, так другого. Очень часто случалось, что приходилось отстаивать интересы других людей, честь других людей, справедливость. Но способы были далеки от гуманных.

Опять тюрьма

В конце зимы 2002 года, гуляя с товарищем вечером по старой Риге, мы выпивали и находились в хорошем расположение духа. Закончились сигареты, и по пути в магазин мы спросили сигаретку у прохожего. В ответ мы услышали:

– Kojums, cigaretes, krievucukas? (Что вам сигарету, русские свиньи?)

На такие слова кровь вскипела моментально, и мы жестоко наказали национально озабоченного мужчину. Через несколько часов нас арестовали за грабёж с разбоем, того самого националиста. Так я второй раз оказался за решёткой и меня судьба снова отгородила от самого себя, от своих зависимостей, эго и распущенного образа жизни.

Две недели я провёл в КПЗ, из них неделю один. За это время я морально измотался и уже хотел, чтобы скорее перевели в тюрьму, а когда это произошло, была пятница и в камеру нас не поднимали, поэтому пришлось три дня сидеть в карантине. Там не было окон, только решётки через которые залетал сквозняк вместе со снегом и люди на морозе прижимались друг к другу, закутывались в матрасы и одеяла. От чифира и сигарет крутило желудок и тошнило.

Когда меня перевели в камеру где уже сидело 20 человек, я был в восторге. Я никогда не мог себе представить, что буду радоваться тому что меня заведут в тюремную каме-

ру и я смогу спокойно лечь на жёсткий матрас, накрыться не свежим одеялом, положить голову на скомканную подушку и спокойно уснуть, не боясь замёрзнуть или быть раздетым.

За пару дней я начал себя чувствовать значительно легче и почти отошёл от КПЗ и карантина, а на третий день к нам в камеру нагрянул обыск и отыскали доблестные стражи у нас телефон. Я помню довольное лицо охранника, который выходил из камеры крутя перед собой найденный телефон и своё чувство досады по этому поводу. Мне так хотелось вечером позвонить своей любимой девушке, а этот довольный находкой мент, забрал у меня такую маленькую радость, и я не выдержал, выхватил у него телефон из рук, разбив его со всей силу об стенку. Под аплодисменты зеков и мат охраны, моя голова начала открывать двери до самого карцера.

До этого мне казалось в КПЗ плохо и хотелось, чтобы быстрее перевели в тюрьму. В карцере я бы дорого отдал за то, чтобы вместо него, меня посадили в КПЗ. Комната полтора метра на два, нары, представляли собой бетонное возвышение и на нём доски, в углу вонючая не мытая параша. Вещи только те что были на мне, не одеяла, не подушки и матраса. В этой обстановке мне предстояло прожить 10 суток. Вроде не много, но если учесть что из развлечений были только стены, такие же заключённые за ними и я сам, психически вымотанный и уставший, то мне этого было доста-

точно. В какой-то из этих дней у меня был юбилей, исполнялось 20 лет и мой товарищ, прибывавший тоже в этой тюрьме, узнал, что я нахожусь в карцере, прислал через рабочих тортик и кланазепам, транквилизаторы, которые пользуются у заключённых популярностью. Съев их несколько штук, можно проспать пару суток и ещё пару суток пробыть в полу сознание. Отличный способ скоротать время. На стенках я выцарапывал стихи, которые помнил, дни которые провёл там и тихонечко сходил с ума. Из общаковых камер присылали сигареты, которые хитрым способом передавались по всем карцерам, и которые были запрещены в изоляции, но никого это не волновало что могут добавить несколько суток если найдут. Удовольствие покурить было выше самосохранения. Когда оставался один день карцера, дверь открылась, затем решётка и я раскатил губу что меня выпускают раньше времени, но ошибся. Пришли с обыском и нашли запрещённые сигареты, спички и добавили пять дней карцера. Я объявил голодовку, стал требовать, чтобы мне принесли вещи, одеяло, подушку, книги. В ответ услышал только смех и заявление, что в карцере голодовка не считается. Пять дней я ничего не ел. На 14 сутки со мной случился нервный срыв. Я стал биться головой об стенки пытаясь вырубить себя, разбил голову об решётку и свалился, впав в полуобморочное состояние и только на следующий день, с помощью охраны я поднялся и меня перевели обратно в камеру.

Там меня встретили радушно и с уважением за мой посту-

пок, но не смотря на хорошее отношение сокамерников, я не мог оправиться, замкнулся в себе и был полностью подавлен. Время для меня стало отчислятся письмами от любимой девушки, которая писала, что любит меня и будет ждать сколько понадобится. Она меня вдохновляла и окрыляла. Я не о чём не мог думать, только о ней. Не смотря на то что сокамерники меня пытались вытащить из состояния закрытости и предупреждали что жить только девушкой в тюрьме опасно для психики, я ничего не мог с собой поделать. После нервного срыва моё сознание нашло отдушину и за неё держалось. Спустя пару месяцев, я получил от неё письмо, совершенно неожиданное, что она встретила любимого человека и у них скоро будет свадьба, хотя в письме до этого она мне клялась в вечной любви. Мир, в котором я жил последнее время рухнул и я понял, что в моей жизни больше нету смысла. Я стал продумывать как мне лучше покончить с собой, вскрыть вены или повесится ночью, пока все спят, а чтоб наверняка, вскрыть вены и повесится. Я дождался пока все уснут, залез на стену, которая закрывала туалет и душ, просунул заготовленную верёвку в дырки вентиляции, накинул её на шею, достал лезвие и уже собирался полоснуть себя по руке, но взгляд упал на Библию, которая лежала у сокамерника на полке. Я замешкался. Появилось не понятное состояние страха, которое подавило моё желание лезть в петлю и мелькнула мысль: зачем я живу? Разве ради любимой, которой больше нету?

На следующий денья уже читал ту самую Библию, которая отвлекла меня на доли секунды и спасла от самого себя. Она затянула меня в другой мир, в мир познания, в котором не существовало ничего что было вокруг. У меня появилось сильное увлечение, которое вытянуло меня из глубокой депрессии и я радовался, что в тюрьме хорошая библиотека.

Расставание с любимой понемногу ушло на второй план, постепенно затихло душевная боль и я старался как можно реже вспоминать бывшую девушку, что бы не ворошить ещё свежую рану.

Уйдя с головой в литературу, я слишком сольно увлёкся философией и мой мозг был перегружен тяжёлой информацией. Начала появляться угроза интоксикации мозга и помимо этого, я охотно делился прочитанной информацией с окружающими. С начала для сокамерников это было интересно. Всегда приятно развить умную тему и побеседовать. Но это стало слишком настырно с моей стороны, и окружающие начали избегать моих надоедливых бесед. Соответственно я начал надумывать себе причины такого поведения и снова закрываться в себе. Это начало грозить психическим расстройством. Спас один из сокамерников, предложив почитать литературу полегче и разгрузить свой мозг. Это помогло и я быстро вышел из параноидного состояния.

Прошло одиннадцать месяцев моего заключения. Приближалась дата суда. Судья был известен и сокамерники застращали меня беспринципностью и жестокостью судьи,

особенно за такое преступление как у меня. Я стал готовится за две недели в надежде что могу что-то изменить, сказать что-то, что смягчит приговор и может быть в ближайшие несколько лет я окажусь на свободе.

В процессе суда прокурор запросил 6 лет тюрьмы мне и 6 лет подельнику. Настало время последнего слова и я начал говорить. Не помню, что я говорил и почему не сказал то что хотел. Как будто ко мне подселилась какая-то сущность и говорила вместо меня, совершенно не свойственные мне на тот момент вещи. Моё сознание не находилось на том уровне о чём я говорил, но когда я закончил, не плакал толькопрокурор, судья, потерпевший и мой подельник. Для последнего слова поднялся мой подельник и когда он открыл свой рот, мои надежды начали таять вместе с каждым его словом. Я полностью разделял его слова на счёт не справедливости современной судебной системы, на счёт плохого содержания заключённых в тюрьмах и обращения охраны, на счёт не объективного расследования и многого другого что было им высказано не в цензурной форме, в адрес суда, присяжных, полиции и всех присутствовавших представителей власти. Я полностью разделял его взгляды, но это был не самый подходящий момент для того что бы высказывать своё мнения в такой форме суду и призяжным. Когда нас удалили в бокс для ожидания приговора, не было конца брани с моей стороны в его адрес. Я был в негодование! Я ревел от ярости и злобы! В тот момент когда надо кается,

когда от наших слов зависит наша дальнейшая судьба и надо показать что время проведённое за решёткой повлияло на нас и изменило, он поднимается и поливает всех представителей власти матом, показывая тем самым что он не подчинится этой системе что бы они не делали. Я понимал, что скорее всего, то что запросил прокурор, шесть лет лишения свободы, это минимум что мы получим. За те четыре часа мучительных ожиданий, я первый раз в жизни я почувствовал, что пространствоматериально и его можно почувствовать. Обстановка настолько накалилась, что я физически мог потрогать воздух руками, который стал густой от накала эмоций.

Опять свобода

Спустя четыре часа мы стояли перед судом в мучительном ожидание. По шесть лет лишения свободы, это минимум что мы могли получить, я молил что бы не добавили больше. Судья начал читать приговор и наконец прозвучала решающая нашу судьбу фраза:

– Шесть лет лишения свободы, – он сделал паузу, во время которой у меня внутри всё сжалось, и посмотрел на нас, – условно, с испытательным сроком три года.

Я почувствовал неземное облегчение, ноги подкосились и я обмяк на скамейку.

Суд закончился, присяжные начали вставать, вместе с ними поднялся судья и обратился к моему подельнику со словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.